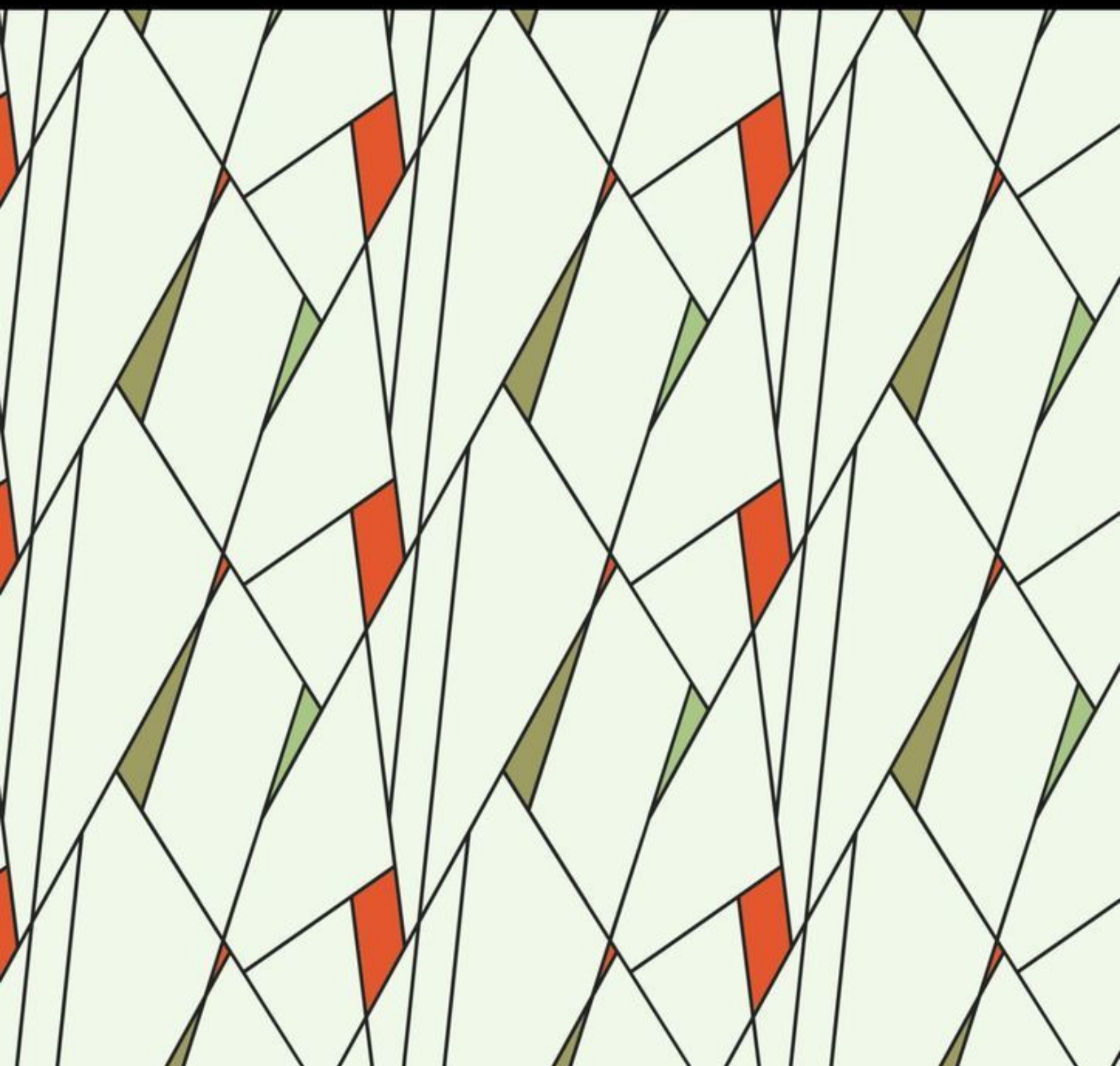

18+

Анна Беглар

Закрой гештальт

Анна Беглар
Закрой гештальт

«Издательские решения»

Беглар А.

Закрой гештальт / А. Беглар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532373-6

Яна Белова придумывала детективы и жила совершенно спокойно, пока ее не украл спятивший от неразделенной любви одноклассник. После освобождения из плена, писательницу мучает повторяющийся сон. Она снова в плену, а за стеной кто-то плачет и зовет ее по имени. Что это: психоз, стресс или в доме был еще один заложник? Еще вчера Регина Болотова была гордостью своей клиники, а сегодня все газеты кричат, что она врач-убийца. Допустила ли ошибку Регина, или ее подставили?

ISBN 978-5-00-532373-6

© Беглар А.
© Издательские решения

Содержание

ЗАКРОЙ ГЕШТАЛЬТ	6
I	7
II	9
III	10
IV	12
V	14
VI	15
VII	16
VIII	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Закрой гештальт

Анна Беглар

© Анна Беглар, 2021

ISBN 978-5-0053-2373-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАКРОЙ ГЕШТАЛЬТ

(Закрывать гештальт – значит закончить незавершенное дело, которое не дает покоя, завершить начатое...)

I

Пятница у майора Павла Коршенева не задалась с самого утра. Началось-то все еще три недели назад, когда он получил новое дело. Павел терпеть не мог так называемые «звездные истории». Там, где потерпевшими или подозреваемыми проходили публичные личности, никогда нельзя было ничего сделать по-человечески. Нужно было заглядывать им в глаза, подтирать известное место, гладить по головке, чтобы не дай Бог, именитый адвокат не заявил прессе про ожидаемую грубость органов правопорядка. Зачастую никого и результаты расследования не интересовали. Чистый пиар, черный или белый, неважно.

В этот раз все выглядело почти серьезно. Потерпевшей проходила новоявленная Агата Кристи, детективами которой зачитывались все, от мала до велика. А по паре нетленок даже сняли коротенькие сериалы. Навязчивый поклонник сначала забрасывал ее цветами и письмами, а потом перешел от слов к делу и похитил предмет своей страсти. Павел искренне счел произошедшее выдумкой маркетологов издательства. Поэтому розыскные меры проводил добросовестно, но без особого рвения. Свидетелей опросили, компьютер писательницы проверили, таинственного поклонника вычислили. К издателям, он, увы, отношения не имел. Бывший одноклассник пронес любовь сквозь годы, но взаимности так не дождался. Вот и решился на преступление. ОМОН быстро и чисто задержал несчастного влюбленного, а Павел передал, закутанную в свою куртку, потерпевшую в руки врачей и поблагодарил Бога за то, что его предвзятое отношение не привело к непоправимым последствиям. Затем он, как китайский болванчик кивал в ответ на благодарности представителей издательства и родственников девушки. Сама писательница была тиха и незаметна. То ли не отошла от шока, то ли была неразговорчива от природы. Коршенев про себя радовался, что дело благополучно закрыто. И очень зря. Через неделю в его кабинете появилась писательница. Выглядела она почему-то еще хуже, чем когда сидела в плену у своего поклонника. Извинилась за то, что пришла без приглашения и отнимает время. Помялась и спросила:

– Павел Львович, а вы хорошо осмотрели дом?

– Не понял? – Павел изо всех сил, изображая радушие, наливал для нее чай. – Извините, у меня к чаю только сушки.

– Я люблю сушки. – она подцепила баранку. – Я имею в виду, кроме меня... и Стаса... там никого больше не было?

– Почему вы спрашиваете?

Она на секунду прикрыла глаза и, словно боясь передумать, быстро проговорила:

– Перед тем как вы меня нашли, я сквозь сон несколько раз слышала чей-то плач. И теперь мне это все время снится. Темно, я, связанная, лежу в кровати, и этот плач за стеной. От него все внутри переворачивается.

Павел поставил свою чашку на место. Вот это было плохо. Если писательнице ничего не привиделось, вырисовывалась серия. Хорошо было то, что предполагаемый маньяк уже сидел в изоляторе.

– Яна Антоновна, а вы уверены, что вам это не приснилось?

– Нет. Поэтому и спрашиваю: вы осматривали дом?

Павел сделал глубокий вдох.

– Давайте сделаем так, я вам обещаю, что мы еще раз внимательно изучим все улики и осмотрим дом. Но я совершенно точно могу сказать, кроме вас, живых пленников там не было.

– Я поняла. – она кивнула. – Еще раз извините за беспокойство, но я должна была прийти и все рассказать. Спасибо за чай.

И ушла. Коршенев, для очистки совести, таки отправил двух оперуполномоченных еще раз осмотреть место преступления. Как и ожидалось, ничего подозрительного найти не удалось. Ни следов содержания еще одной пленницы, ни следов захоронения, если таковое имело место быть. В очередной раз убедившись, что показаниям творческих личностей лучше не доверять, Павел переключился на обнаружение нового канала по сбыту наркотиков и о писательнице на время забыл.

II

– Ян, ты плохо выглядишь.

– Знаю, – Яна пожала плечами. – Я плохо сплю последнее время.

Яна и Карина Владимировна Лихачева, ее редактор, и по совместительству лучшая подруга, сидели за столиком в небольшом итальянском ресторане.

– Давай к нам на дачу? Отоспишься на свежем воздухе. Петр за тобой присмотрит. Как я жалею, что не настояла, чтобы он с тобой был, когда только начались письма от этого Ромео.

– Меня теперь на природу долго не потянет. – Яна покачала головой. – Прости, Карин, я знаю, что сроки сдачи книги подходят, но не могу сосредоточиться. Совсем. Мысли далеко от сюжета. Мне совершенно наплевать, что там будет с моим Родионом Смолиным и куда его занесет судьба.

– Удивила. – хмыкнула Карина. – Тебе бы на месяц куда-нибудь в теплые страны. Только Петра все равно с собой возьми. Спокойнее будет. Я поговорю с главным о переносе сроков. Он хороший мужик и тебя ценит.

– Не думаю что настолько, но за предложение спасибо, – Яна улыбнулась.

– Может тебе к моему психологу записаться? Он просто золото. Мозги на место ставит на «ура». – Карина вытащила сигарету и тут же сунула обратно в пачку. – Нет, бросаю. Хочешь, я дам тебе его телефон?

– Давай. – без особого энтузиазма согласилась Яна.

Ни к какому психологу она записываться не собиралась. Врачей Яна Антоновна не любила с детства. Карина проницательно посмотрела на ее мрачное лицо и решительно начала набирать номер.

– Ты что делаешь? Я не собираюсь никуда....

– Собираешься. Максим Сергеевич, добрый день. У меня к вам просьба, нужно проконсультировать женщину после психологической травмы. Очень сложный случай... Нет, не буйная. Хорошо бы сегодня...Заняты? Жаль. Может найдется время? Вечером? В восемь? Конечно, подъедет. Я вам очень признательна.

– Никуда я сегодня не поеду! – отрезала Яна.

– Поедешь. Это просто врач. Он тебя не съест. Поможет тебе нормализовать сон без таблеток, которых ты как огня боишься. В восемь он тебя ждет.

– Карина, я не люблю, когда мной так нагло манипулируют.

– Это из большой любви к твоим тиражам, золотко мое. Сейчас скатишься в депрессию, запорешь книгу. Оно мне надо? – Карина улыбнулась. – Кстати, доктор не женат.

– Я счастлива, – буркнула Яна и подозвала официанта. – Рассчитайте меня, пожалуйста.

– Не обижайся, Яна. Ты мне потом спасибо скажешь.

– Я бы тебе прямо сейчас сказала, да люди смотрят. Все, пока. Я позвоню.

Яна вышла из ресторана и направилась к своей машине. Страх, снова страх. Так недолго и с ума сойти. Раньше она никогда не задумывалась, как далеко ей идти до парковки, горят или не горят фонари. Не проверяла, не забрался ли кто в салон. Не спрятался ли между сиденьями, как это сделал Стас. «Может быть Карина и права. Так и до психоза недалеко. В конце концов, что я теряю?»

III

...Максим Сергеевич оказался рыжим, высоким и худым, как палка. Словом, жених хоть куда, и как психолог к себе сразу располагал. Кляня себя за то, что пошла на поводу у подруги, Яна села и начала рассказывать:

– Месяц назад меня похитил бывший одноклассник и держал почти две недели за городом в частном доме. Пока я была там, мне казалось, что в доме есть кто-то ещё. Я слышала тихий плач. Теперь мне это снится, каждую ночь. Я боюсь, что там остался ещё один человек и ему или ей, нужна помощь. Вдруг я не помогла тогда, а теперь уже поздно. Я ходила в полицию, но не думаю, что меня там приняли всерьез. Скажите, Максим Сергеевич, я могла все это придумать?

– Полиция никого кроме вас и вашего похитителя в доме не обнаружила. Похититель, если я верно понял, был заиклен конкретно на вас, а не на женщинах вашего типажа. Зачем ему нужна другая жертва?

– Не знаю. Тогда, что? Я схожу с ума, доктор?

– Постарайтесь вспомнить, как вы впервые услышали этот плач?

Яна прикрыла глаза

– Я лежала в кровати, пыталась сдвинуть повязку с глаз, и услышала... Стоп... Не знаю почему мне это так вспоминается, но у меня не могло быть никакой повязки на глазах. Она была ни к чему. К тому моменту я уже знала, что это Стас меня украл.

– Яна Антоновна, возможно вы будете против, но чтобы устранить путаницу в вашем сознании, правильнее всего будет провести несколько сеансов классического, либо регрессивного гипноза. Бессознательное хранит куда больше полезной информации, чем сознательное.

– Вы правы, я буду против. Не хочу, чтобы вы или кто-то ещё залезал мне в голову.

– Что ж, распространенное заблуждение. – улыбнулся психолог. – Поймите, человеку, даже находящемуся в состоянии глубокого транса, невозможно внушить то, что глубоко противоречит его жизненным ценностям и моральным устоям. А вот разобраться в вашей проблеме, отключив на время ваше сознание можно. С другой стороны я могу предложить вам медикаментозную терапию. Решайте.

– Мне не по душе ни то, ни другое, но... Ладно. Один раз. Доставайте свой маятник.

– Маятник сегодня не понадобится. Закройте глаза.

– Хорошо. – Яна послушно опустила веки.

– Вы сидите в мягком кресле. Вам тепло и уютно. Вам спокойно. Яна, дышите медленно. Вдох-выдох, вдох – выдох. Вы расслаблены. Вам ничего не угрожает. Вы слышите только мой голос. Я буду считать. На счет десять вы окажетесь в кинотеатре. Один, два, три ...– бархатный голос обволакивал Яну.– Перед вами белый экран. Спроецируйте на него ваш сон. Кадр за кадром. Не бойтесь, это просто кино. Оно не имеет к вам никакого отношения. Яна, что вы видите?

Страшно не было. Она сидела в первом ряду и видела, как кадры сменяют друг друга. Черно-белая лента была похожа на старые диафильмы, которые она любила смотреть в детстве с папой.

– Яна, что вы видите?

– Дом. Старый деревенский дом.

– Вы знаете, что внутри?

– Знаю. – смотреть дальше ей не хотелось. Было скучно. – Я не хочу туда возвращаться.

Меня заставляют сидеть в комнате. Не выпускают на улицу. Я даже в окно не могу выглянуть. Ставни всегда закрыты. Только через щелку видно петушка на палочке.

– Яна, с кем вы в этом старом доме?

– Я его не люблю. Он злой, – Яна и помотала головой. – Сначала давал мне бумагу и карандаш, чтобы я не мешала. Я люблю рисовать. – она водила пальцем по колену. Максим Сергеевич осторожно встал и подал ей карандаш и лист бумаги.

– Рисуйте, Яна.

– Когда я вырасту, я буду рисовать, как мама.

– Вы в этом доме с мамой?

– Да. Я с мамой и с Димой.

– Яна, сколько вам сейчас лет?

– Не знаю. – Яна пожала плечами.

– Вы ходите в школу? Вам нравится учиться?

– Нет.

– Когда вы идете вместе с мамой, вы ей по плечо, вы одного роста или она крепко держит вас за руку?

– Дима держит меня за ворот пальто. – Яна перестала рисовать и вдруг схватилась за голову. – Крики за стеной! Ужасные крики! Я слышу, но ничего не могу сделать! Не могу пошевелиться.

– Яна, вы по-прежнему в кинотеатре. Вам нечего бояться. На счет десять, зажжется свет. Фильм закончился. Один, два...

Яна открыла глаза. Голова была неприятно тяжелой.

– Как-то быстро все закончилось, доктор. Или это только мне так показалось? Что это? – она только сейчас поняла, что держит в руках бумагу и карандаш. – Давно не рисовала. Я рассказала, что-нибудь интересное?

– Вы рассказали эпизод из своего детства. К сожалению, не удалось точно определить временной промежуток. Вы с мамой и неким Дмитрием жили в деревенском доме. Вы любили маму-художницу и хотели рисовать, как она. Дима же вас постоянно запирали, и думаю, бил вашу мать. Она плакала, а вы это часто слышали. Шум ссоры и женский плач. Ничего удивительного, что после похищения, ваши детские страхи обострились.

– Максим Сергеевич, – Яна не знала, что ей делать- немедленно уйти, хлопнув дверью, обвинив врача в некомпетентности или все-таки дослушать до конца. – Видите ли, мои родители никогда не жили в деревне, мама работает проводницей, папу зовут не Димой, а Антоном, и бить маму он никак не мог. Во —первых, он – противник насилия, во-вторых, у них разные весовые категории. Скорее мама побила бы папу.

Максим Сергеевич участливо посмотрел на нее, а потом спросил:

– Какое у вас самое раннее воспоминание из детства, Яна Антоновна?

IV

Яна сидела в машине, и третий час подряд смотрела, как по лобовому стеклу стекают капли дождя. Ворошить или нет прошлое? Имеет ли это смысл теперь? Она никогда не понимала приемных детей, которые начинают разыскивать настоящих родителей через долгие годы. Зачем? Но плач за стеной продолжал звучать в ушах. Как все произошло? Почему меня бросили? Может быть, психолог все же ошибается? Яна все же набрала номер матери:

– Здравствуй, мам. Нет, нет, я в порядке. Скажи, а папа дома? Нет? Это хорошо. Мама, нам надо серьезно поговорить. Наедине.

...Лидия Семеновна встретила Яну только что испеченным манником.

– Руки мой, дочка, и скорее за стол. Почаевничаем с тобой. Ты опять, что ли на диете сидишь? Худющая стала, одни глаза торчат.

– Пахнет как, – Яна с наслаждением вдохнула аромат свежее испеченного пирога. – Нет, мама. Просто никак не приду в себя после случившегося.

– Убить его мало, Стаса этого. – Лидия Семеновна грохнула чайником о стол. – Не представляешь, что мы пережили, пока тебя искали, чего только не передумали.

– Мама, сядь, пожалуйста. – попросила Яна. – Я должна спросить у тебя одну вещь. Не обижайся, пожалуйста. И не лги ради моего спокойствия. Это правда, важно.

– Что случилось, Яночка? —непривычно тихо спросила Лидия Семеновна.

– Как я к вам попала, мама? Только не отшучивайся про капусту и аистов.

– Почему ты спрашиваешь, Яна?

– Я была у психолога. Меня мучает один и тот же сон. Женский плач за стеной, крики. Я должна помочь, но я не могу пошевелиться. Врач предложил гипнотерапию, и я согласилась на один сеанс. Под гипнозом я рассказывала странные вещи. Такого никогда не могло произойти ни с тобой, ни с папой. Пожалуйста, скажи мне, что врач- шарлатан, и я успокоюсь.

Лидия Семеновна с трудом встала и поставила чайник обратно на плиту. Потом вернулась к столу и тяжело опустилась на стул рядом с дочерью.

– Нам говорили, что ты вряд ли заговоришь после такой травмы. А я молилась. Молилась, чтобы моя девочка выжила, чтобы заговорила, чтобы умненькой-разумненькой была. И Господь меня услышал. Сначала ты глазки открыла, меня узнавать стала, все за руку держала и плакала, когда я уходила. Потом заговорила. Мне все говорили, какое чудо – ваша девочка. Я так привыкла, что ты моя, по-другому и думать не могла.

Яна до крови прикусила губу. Хотелось кричать. Ну почему? Почему?

– Когда я тебя впервые увидела, ты по перрону шла. Ноябрь, холодно, снег срывался, а ты в одном платьице и носочках, на плечах какая-то куртка старая. Явно с чужого плеча. Я тебя на руки схватила, вижу надо лбом сплошное кровавое месиво. Знала бы, кто ребенка так, на месте убила бы. Начальник поезда- понимающий мужик был. Отправление задержал, милицию вызвал и скорую. Тебя сразу на стол и оперировать. Милиция потом несколько раз приходила и в больницу, и к нам домой. Дело открывали, искали твоих родителей. Но они словно сквозь землю провалились. Я тогда всех кого могла, подключила, чтобы тебя не отдавать. Благо тетя Фая у нас в органах опеки работала. Она правда решила, что у меня после того как моего младшего сына Лешеньки не стало, мозги съехали, и я в тебя вцепилась. И Тоша вначале так думал. А я тебя как на руки взяла, поняла, моя дочь, никому – не отдам.

– Прости меня, мама. – Яна обняла мать. – Пожалуйста, прости.

– За что мне тебя прощать, доченька? – спросила Лидия Семеновна. – Ты пойми, не вернулась за тобой мать твоя, значит, нет ее в живых. Ты хоть и побитая была, но платьишко все вышитое, вручную вышитое. Пропойцы такое своим детям не надевают. Значит, любимая ты была... Я все боялась, вот так поступит однажды в калитку женщина и скажет, отдавай мою

дочку. Она и постучалась, только к тебе, а не ко мне. Не ищи лиха, Яна. Лучше свечку за ее душу поставь.

Яна осталась ночевать у родителей. Она лежала без сна и знала, что за стеной так же не спит мама. Ее родная приемная мама. И так же тихо плачет, как ее забытая родная. Что же делать? Оставить? Не вспоминать? Как быть дальше?

V

– Мам, а как называлась та станция? – за завтраком спросила Яна. Лидия Семеновна молчала и пила чай. – Мам, не молчи, пожалуйста. Я обещаю тебе, что ничего не изменится. Я никогда не перестану любить вас с папой и никуда от вас не денусь. Но ...я хочу попробовать узнать, что случилось тогда.

– Яна, милиция ничего не нашла спустя несколько дней. А ты хочешь выяснить что-то через тридцать лет?

– Да. И прошу мне в этом помочь. Пожалуйста.

...Карина Лихачева грустила. Психолог вместо того, чтобы поставить подруге мозги на место, кажется, вдохновил ее поиграть в частного сыщика. Иначе как объяснить тот факт, что вместо того, чтобы корпеть над новыми приключениями Родиона Смолина, госпожа Белова в брошенной деревне ищет петушка на палочке и просит не звонить ей по пустякам?!

Карина гордилась своим умением принимать правильные решения. Поэтому вместо того, чтобы доставать подругу бесполезными требованиями вернуться домой, она набрала номер своего бывшего мужа.

Степан Харитонович Ильин так же, как и десять лет назад, ловил преступников. Только звезд на его погонах теперь было значительно больше. Полковник Ильин Карину преданно обожал, ни в чем не отказывал, а иногда даже фантазировал, что они могут начать все сначала. Карина его не разубеждала. Она и сама иногда фантазировала, как бы сложилась ее жизнь, если бы не глупость с разводом.

Осведомившись не отрывает ли она бывшего супруга от важных дел и услышав отрицательный ответ, Карина изложила предысторию событий и попросила:

– Дай кого-нибудь из твоих, чтобы ей помогли, чем могли, Степочка? Моего Петра она прогонит, а твои все-таки представители власти.

– Подожди, Кариша, -полковник Ильин подавил смешок. – Ты всерьез просишь, чтобы я снял с дела кого-нибудь из своих сотрудников и отправил помогать автору детективов, искать петушка на палочке?

– Да, а еще я прошу, чтобы ты отмазал меня от убийства психолога, которое я совершу сегодня в состоянии аффекта.

– Отмажу. – Судя по скрипу, Степан Харитонович сменил позу. – Ладно. Давай к сути.

– Суть в том, Степа, что мой ведущий автор в деревне Ветлищево ищет следы преступления тридцатилетней давности. Помоги, а?

Попрощавшись с Мариной, полковник Ильин задумался над тем, кто из подчиненных больше всех злил его в этом месяце.

– Степан Харитонович, к вам Павел Львович. Приглашать или сказать, что вы заняты? – нарушил его размышления голос секретаря.

«Ну что же, Паша, ничего личного» подумал Ильин.

VI

Искать было в принципе негде. Деревня на двадцать полуразвалившихся домов. Антураж везде примерно одинаковый: серые покосившиеся заборы, мокрые от недавнего дождя собачьи будки, разбросанный хозяйственный инвентарь, разной степени изношенности. В одном из дворов обнаружился даже насквозь проржавевший остов «Жигулей» пятой модели. Все, что угодно, кроме петушка на палочке. Кроме того Яна, подсчитав в уме расстояние между точками А и Б, слабо представляла, как мог раненый ребёнок одолеть десять километров бездорожья, отделявшие деревню от станции.

– Добрый день. Вы, наверное, дом номер сорок семь ищете? – окликнули её.

Яна вылезла из машины и подошла к калитке, на которую опирался мальчишка лет двенадцати.

– Здравствуй. Тебя как зовут?

– Толик. А вы с дороги сбились. – не дожидаясь ответа, затарахтел пацан. – Я тут за навигатор стою. Никто из приезжих не знает, что деревня за лесом продолжается.

– Говоришь, за лесом продолжается? – Яна оглянулась.

– Пятьсот рублей и покажу. – важно огласил тариф на услуги «навигатор». – А без меня в болото заедете.

– Ладно. А что так дорого-то?

– Так к дяде Прохору бедные не ездят. – пожал плечами Толик. – Деньги вперёд.

– Назад как добираться будешь?

– Я привычный, лесом пробегу. Там тропинки есть, за пять минут можно добежать до дому, а за пятнадцать до станции. Это ж вы на машинах круг пишете. Мне дядя Прохор показывал. Бабка говорит, он – хороший мужик, не глядите, что сидел. Так интересно рассказывает про лес, про горы. Книжек у него много, все с картинками, камушки там, разноцветные.

– Здорово, – Яна слушала вполуха и надеялась, что благополучно проедет через все колдобины и буераки. Если это официальный маршрут, как же выглядит тот, куда попадают отклавшиеся от услуг навигатора Толи?

– Да не бойтесь. – Толик шмыгнул носом. – Скоро приедем.

Улица вынырнула неожиданно. Подлесок перетек в запущенные садовые участки. Яна притормозила и выпустила «Навигатора», который, не прощаясь, унесся обратно в лес, а сама медленно поехала вдоль ряда домов. На этой стороне леса они выглядели более крепкими и ухоженными. Хотя людей и домашних животных не наблюдалось.

Дом номер сорок семь был предпоследним по левую сторону улицы. В гости к дяде Прохору Яна не собиралась, но на крыше его дома красовалась кованная фигурка петушка. Флюгер слабо повернулся, указывая направление ветра.

Дом напротив выглядел необитаемым. Окна заколочены, двери заперты. Яна осторожно поднялась на крыльцо, между делом восхитившись ажурной резьбой, которая украшала деревянные столбики, подпиравшие крышу. Подергала дверь. Заперто. Доски под ногами сильно скрипели, и Яна поспешила спуститься. Она шла мимо окон, останавливаясь у каждого, чтобы выяснить, откуда петушок на крыше соседнего дома виден лучше всего. За этим занятием ее и застал, мягко говоря раздраженный, майор Коршенев.

VII

– Не хотите объяснить, зачем вы бегаєте вокруг дома?

– Не хочу. – Яна покачала головой. Неожиданное появление служителя закона не заставило ее отказаться от задуманного. – Вы меня отвлекаете.

Она переместилась к следующему окну. Да, вероятнее всего это. Из двух других обзор мешают деревья. Хотя для чистоты эксперимента лучше бы смотреть из дома.

– Яна Антоновна, вы хорошо себя чувствуете? – зло осведомился Павел.

– Замечательно.

Яна продолжала прикидывать, как ей попасть внутрь. Навыком открывать гвоздем любые замки обладал только ее литературный персонаж. Попробовать через окно? Высоко.

Павел с интересом наблюдал, за тем как писательница с третьей попытки ухватилась за подоконник, поставила ногу на фундамент, подтянулась, перехватилась за одну из досок, которыми было заколочено окно... А дальше, как и следовало ожидать, гнилое дерево треснуло, гвоздь остался в раме, а Яна с куском доски в руках шлепнулась в грязь под ноги Коршенева.

– Не ушиблись?

– Могли бы и поддержать.

Раздосадованная Яна бросила доску.

– Могу задержать за попытку взлома. Хотите?

– Нет. – Она встала. – Не хочу. Я не собираюсь ничего выносить из дома, но попасть внутрь мне необходимо.

– Зачем?

– Какая разница. – Яна сунула руки в карманы. – Вы мне вряд ли поможете, даже если я объясню. Только подумаете, что у меня не в порядке с головой.

– Эту стадию я миновал, когда ехал помогать вам искать петушка на палочке.

– Хорошо. Я предполагаю, что в этом доме могли жить мои биологические родители. Я хочу понять, куда они исчезли, и как я оказалась на железнодорожной станции с проломленной головой.

Синдром приемного ребенка. Беда. Павел тяжело вздохнул. Оказывая по старой памяти услуги своему учителю, он несколько раз общался с усыновленными. В большинстве своем они, неважно взрослые или дети, хотели знать причину, по которой их оставили. Частный сыщик

считал, что без знаний о прошлом его клиенты не чувствуют себя полноценными. Интересно, занят ли Григорий Леонидович... Может быть, сосватать ему писательницу и дело с концом?

– Яна Антоновна, когда это случилось? – спросил Павел.

– Мама сказала, что почти тридцать лет назад. Сама я мало что помню. Вроде бы из моего окна был виден флюгер. Только не знаю этот или какой-то другой.

– Хорошо, – майор начал про себя считать до десяти. – Допустим, вы войдете. Что вы хотите там увидеть?

– Не знаю! – Яна зло посмотрела на окно. – Может быть и ничего. Но я не уеду, пока не побываю внутри. Я скоро с ума сойду от своих снов.

Павлу не нравилось, как она выглядела. Если не в истерике, то на грани ее. А единственным успокоительным, которое он мог ей предложить, была хорошая затрещина.

– Хорошо. Входим, смотрим и сразу уезжаем. Договорились?

– Да. – Яна быстро кивнула. – Подстрахуете меня?

– Зачем? Войдем как приличные люди. Через дверь.

Яна, было, открыла рот, чтобы предупредить о ветхости высокого крыльца, но не успела. Павел, обуреваемый желанием как можно скорее покинуть деревню Ветлищево, быстро взбежал по отчаянно скрипящим ступенькам, сделал шаг к двери и часть площадки крыльца, не выдержав его веса, ожидаемо, провалилась. От последовавшего за этим монолога покраснел даже кованный флюгер. Яна про себя даже порадовалась, что Павел застрял и не сможет быстро выбраться.

– Павел Львович, вам помочь? – оставаясь на безопасном расстоянии, предложила Яна.

А Коршенев почему-то притих.

– Павел, с вами все в порядке? – обеспокоенная Яна подбежала к крыльцу и остановилась в нерешительности. Дополнять картину разрушения новой дырой, ей как-то не хотелось.

«Твою ж мать!» внутри крыльца думал майор Коршенев. «Что за неудачный месяц?!»

VIII

«Когда майор полиции находит труп, опергруппа приезжает очень быстро» думала Яна. Если бы крыльцо оказалось чуть покрепче, они вошли бы в дом, осмотрели пустые комнаты и уехали.

Павел не дал Яне подойти. Сразу оттеснил в сторону и вызвал оперативников. Сначала она даже не поняла, что он нашел. Уже потом, когда крыльцо аккуратно разобрали, открылась жуткая картина. Обрывки серой ткани, которые рассыпались в пыль от малейшего прикосновения, фрагменты скелета и несколько спутанных прядей длинных светлых волос. Яна чуть не взвыла от невыносимой боли и рванулась вперед. Ее перехватил незнакомый оперативник, который что-то говорил, но слов было не разобрать. Будто кто-то выключил звук. Только губы шевелились. В себя она пришла уже на заднем сиденье патрульной машины. Ей совали под нос ватку, отвратительно вонявшую нашатырем, и уговаривали глубоко вдохнуть. Яна послушно вдохнула. Она отчаянно пыталась себя успокоить. Кто сказал, что найденные останки имеют отношение к ее истории? Может быть, это чудовищное стечение обстоятельств? Ведь неизвестно, сколько человек жило в этом доме, и чем они занимались. Нужно попытаться взять себя в руки и постараться собрать как можно больше информации. В то, что Павел расскажет ей хоть что-нибудь, она не верила ни минуты. В ноябре темнеет рано, и внимания на писательницу никто не обращал. Яна тихо остановилась неподалеку от беседующих полицейских и прислушалась.

– Спасибо тебе, Паша, за гарантированный «висяк» под конец отчетного периода на вверенной мне территории.

– На здоровье, Слава.

– Скажи мне лучше, что люди солидные, столичные тут забыли? Или дело перспективнее, чем кажется?

– Что тебе подсказывает твой знаменитый нюх? – усмехнулся Павел.

– Мой нюх подсказывает, что мой друг подложил мне свинью, когда свалился на неопознанный труп. И скорее всего, Паш, этот труп неопознанным и останется. Судмедэксперты установят причину смерти только при условии, что она была механической. Ну, может быть, найдут что-то в костной ткани. Максимум на что мы можем рассчитывать с нашими текущими возможностями – это достойно похоронить потерпевшую. Так что, или забирай дело и подключай свою лабораторию, или чудес не жди.

– А чей домик ты со своими текущими возможностями установить можешь? Или тоже нужно мою лабораторию подключать?

– А нету тут домика, – Вячеслав щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. – Тут, по документам, смешанный лес. Кроме Самоцвета приватизацией никто не заморачивался. А он тут, сам видишь, какой терем отгрохал на месте родительского гнезда. Так что, карты вам в руки, товарищ майор.

– А кто этот Самоцвет? – подала голос Яна. Стражи закона синхронно обернулись на голос.

– Яна Антоновна, вы не забыли, что я просил вас подождать в машине? – осведомился Павел.

– Да, извините.

Яна повернулась и пошла, но не к машине, а к дому номер сорок семь. Прозвище «Самоцвет» и рассказы «навигатора» Толи о любителе камушков деде Прохоре, к которому ездят исключительно обеспеченные гости, наводили на мысль, что в доме номер сорок семь проживает коллекционер. Яне вдруг пришло на ум, что кроме флюгера была еще одна зацепка. Ее рисунок, сделанный под гипнозом. Весьма странный для маленького ребенка. Не зайчики,

не солнышко, не домики за заборчиком, а крупная брошь или подвеска. Два дракона стояли на задних лапах, а передними держали камень неправильной формы. На спине левого дракона была прописная буква «А», а на теле правого- подкова. Может быть, коллекционер видел что-то подобное. Если только это не обычная бижутерия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.